

Психосемантический анализ представлений о ревности и измене в религиозно-культурной среде

Маркина Анастасия Валерьевна

Студент (магистр)

Филиал Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в г.Ташкенте, Ташкент, Узбекистан

E-mail: akiyashhenko@inbox.ru

Ревность и супружеская неверность относятся к числу ключевых феноменов, влияющих на динамику романтических отношений и психологическое благополучие личности. В условиях трансформации института семьи и усиления религиозно-нравственных норм их изучение приобретает особую актуальность. Ревность рассматривается как комплексное эмоциональное состояние, включающее когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты, возникающее в ответ на реальную или предполагаемую угрозу отношениям [1]. Измена представляет собой нарушение верности и воспринимается как угроза стабильности, эмоциональной безопасности и социальному статусу партнёра [3].

В религиозно-культурной среде, особенно в исламском контексте, эти феномены получают дополнительную нормативную нагрузку. Внебрачные связи квалифицируются как *зина* — тяжкий грех, осуждаемый и доктриной, и общественной моралью. Норма верности становится частью духовного обязательства, что усиливает переживания стыда, вины и страха стигматизации. В Узбекистане, где социальные нормы основаны на исламской этике и патриархальных представлениях, значительная доля разводов связана с нарушением верности [6].

Существующие теоретические обзоры недостаточно раскрывают латентные смысловые структуры, свободные от влияния социальной желательности. В связи с этим психосемантический подход В.Ф. Петренко выступает оптимальным инструментом: он позволяет реконструировать субъективные системы значений через моделирование ролевой идентификации, минимизирует искажения и открывает доступ к латентным установкам [2].

Эмпирический объект исследования составил 135 человек (мужчины и женщины в различных статусах романтических отношений). Методы исследования: модифицированная методика множественной идентификации В.Ф. Петренко [2] с использованием пунктов методик «Коммуникативные реакции на ревность» [4] и «Многомерная шкала ревности» [5]. Были предложены пять ролей: «я сам(а)», «партнёр», «кто изменяет», «кому изменяют», «с кем изменяют».

Факторный анализ выделил 10 факторов: 1. Соперничество и контроль; 2. Проактивное удержание партнёра; 3. Активное дистанцирование; 4. Отрицание/Избегание; 5. Агрессия и насильственное поведение; 6. Деструктивное воздействие на партнёра; 7. Открытая коммуникация; 8. Тревожно-мнительная ревность; 9. Оправданная ревность; 10. Паранойяльная ревность.

Построенные психосемантические пространства показали, что каждая ролевая позиция обладает специфическим набором смыслов и стратегий. При этом все описываемые различия носят **относительный характер** – они основаны на сравнении выраженности факторов между ролями внутри данной выборки и не означают абсолютных значений.

· «**Я сам(а)**» – по сравнению с другими ролями демонстрирует относительно более низкие значения соперничества, контроля и агрессии, а также умеренные (средние) показатели открытой коммуникации и оправданной ревности. Это может указывать на склонность к рациональной оценке и эмоциональной сдержанности, что с определённой долей

вероятности отражает следование нравственным предписаниям о мирном разрешении конфликтов, распространённым в религиозно-культурной среде.

· **«Партнёр»** – семантически близок к позиции «Я», но с несколько более выраженным фактором «Соперничество и контроль». Такое смещение позволяет предположить, что респонденты склонны приписывать партнёру большую ответственность за регуляцию отношений, что может быть связано с нормами религиозной семейной этики.

· **«Кто изменяет»** – в сравнении с другими ролями обнаруживает относительно высокие значения активного дистанцирования, отрицания/избегания и агрессии при минимальной выраженности проактивного удержания и открытой коммуникации. Подобная конфигурация вероятнее всего свидетельствует о защитном отстранении, позволяющем снизить чувство вины. Одним из возможных объяснений выступает трактовка измены как тяжкого греха (*зина*) в религиозном сознании.

· **«С кем изменяют»** – для этой роли наиболее выражены (относительно других) факторы соперничества, контроля, проактивного удержания и агрессии. Можно предположить, что восприятие «третьего лица» как конкурента и нарушителя духовно-нравственного порядка усиливает данные ассоциации, но аналогичный паттерн может формироваться и под влиянием светских представлений о соперничестве.

· **«Кому изменяют»** – характеризуется относительно высокими значениями тревожно-мнительной и паранойяльной ревности при стремлении к открытой коммуникации. Это, вероятно, отражает страх утраты, стыд и вину. В контексте религиозно-культурной среды такие переживания могут усиливаться моральными предписаниями, особенно у женщин, на которых традиционно возложена ответственность за сохранение семьи, однако данная связь не является жёстко детерминированной.

Половые различия также демонстрируют вероятное влияние норм, но с той же оговоркой: мужчины в выборке показали относительно более высокие значения по факторам «Соперничество и контроль», «Агрессия», «Деструктивное воздействие» (что может быть связано с представлениями об охране чести семьи и праве контроля, но не исчерпывается ими); женщины – по факторам «Тревожно-мнительная ревность» и «Открытая коммуникация» (что предположительно отражает ориентацию на эмоциональную сферу и сохранение отношений, согласующуюся с добродетелями самоконтроля и приверженности семейным ценностям).

Различия по статусу отношений носят также относительный характер: у респондентов, состоящих в отношениях, несколько выше показатели «Открытой коммуникации» и «Проактивного удержания партнёра» – возможно, это связано с ориентацией на стабильность брака, поддерживаемой религиозно-нравственными предписаниями. У не состоящих в отношениях более выражены «Активное дистанцирование» и «Тревожно-мнительная ревность», что может указывать на меньшую уверенность и отсутствие структурирующих норм.

Таким образом, результаты позволяют утверждать, что религиозно-культурная среда, может быть, одним из значимых факторов, формирующих семантические структуры восприятия ревности и измены. Ролевые позиции, пол и статус отношений выявляют смысловые закономерности, которые с высокой вероятностью отражают интеграцию религиозных норм, моральных предписаний и культурных стереотипов, однако любое из предложенных объяснений не является единственно возможным и нуждается в качественной верификации.

Источники и литература

- 1) Ильин Е.П. Психология ревности. – СПб.: Питер, 2016. – 336 с.
- 2) Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – М.: Эксмо, 2005. – 480 с.

- 3) Buss D.M., Shackelford T.K. From vigilance to violence: Mate retention tactics in married couples // Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – Vol. 72, No. 2. – p. 346–361.
- 4) Guerrero L.K., Andersen P.A., Jorgensen P.F., Spitzberg B.H., Eloy S.V. Coping with the green-eyed monster: Conceptualizing and measuring communicative responses to romantic jealousy // Western Journal of Communication. – 1995. – Vol. 59. – p. 270–304.
- 5) Pfeiffer S.M., Wong P.T.P. Multidimensional jealousy // Journal of Social and Personal Relationships. – 1989. – Vol. 6. – p. 181–196.
- 6) Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Демографические показатели и бракоразводные процессы в 2023 году [Электронный ресурс]. – URL:<https://stat.uz/ru/> (дата обращения: 02.04.2026).